

Э. В. СЕВОРТЯН

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ В ПОСЛЕДИСКУССИОННЫЕ ГОДЫ

Глубокий перелом, наступивший в советском языкознании со времени свободной лингвистической дискуссии на страницах «Правды» в мае—июне 1950 и исторического выступления И. В. Сталина, начертавшего основы марксистского учения о языке, положил конец идейно-теоретическому застою и догматизму, почти безраздельно господствовавшему в советском языкознании в продолжение долгого времени. Освобожденная от оков вульгарно-социологической теории Н. Я. Марра научная мысль получила возможность правильной ориентации в исследовании и разъяснении сложных и трудных вопросов грамматики и словаря языков различных структур в их прошлом и настоящем.

Труд И. В. Сталина исчерпывающим образом обосновал и подтвердил исторический характер действующих в языке внутренних законов развития, вооружил советских языковедов пониманием того, что для правильного суждения о современном состоянии языка важно знать не только его прошлое, но и тенденции дальнейшего его развития. Советские языковеды сегодня глубже, чем вчера, понимают действительное соотношение различных сторон языка, их связи и взаимовлияния. Стала очевидной для всех работников науки о языке опасность преувеличения роли какой-либо стороны языка в ущерб другой в общей структуре языка, что допускалось и еще иногда допускается в различных отраслях языкознания, в частности в тюркском языкознании.

Истекшие три года, прошедшие со времени появления труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», были наполнены напряженной работой советских лингвистов в различных отраслях языкознания. Дстойное место в работе советских языковедов занимают наши востоковеды — специалисты по многочисленным языкам тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской, иранской и других групп.

Мы ставим своей задачей осветить в общих чертах научную деятельность советских тюркологов за трехлетие (1950—1953), начиная с дискуссионного периода в языкознании.

Советские тюркологи за эти годы теоретически выросли и возмужали. Остался позади первый этап усвоения сущности марксистского учения о языке, усвоения основных его положений. Сегодня нам представляется наивным и вместе с тем симптоматичным заблуждение, в известной мере распространенное в первое время после языковедческой дискуссии 1950 г. на страницах «Правды». Тогда некоторым тюркологам казалось, что наша наука избежала вредного влияния «нового учения» о языке, отдав последнему дань лишь цитатами из произведений Н. Я. Марра и наиболее видных его учеников или последователей. Советские тюркологи сегодня отдают себе уже достаточно полный отчет в величине научного ущерба, причиненного теорией Н. Я. Марра также и советской тюркологии. К сожалению, специалисты по тюркским языкам, как и работники других отраслей языкознания в своей области, не могут похвастать исчерпывающей критикой ошибок, допущенных в тюркологических исследованиях за

годы господства и усиленного насаждения вульгарно-социологической теории Н. Я. Марра. Справедливость требует отметить, что критический пересмотр в свете положений марксистской лингвистики целого ряда работ, вышедших до языковедческой дискуссии, развернулся больше в тюркоязычных республиках и областях, чем в Москве и Ленинграде. И если нас не всегда удовлетворяет глубина критики заблуждений или ошибок, допускаявшихся тюркологами под воздействием «нового учения» о языке, то едва ли у нас имеются основания жаловаться на размах этой критики. Выступления республиканской печати в Казахстане, Узбекистане, Киргизии, Татарии и в других местах весьма помогли теоретическому и организационному оздоровлению языковедческой работы на местах, мобилизовали внимание и силы специалистов по тюркским языкам на быстрое возмещение теоретического ущерба, понесенного тюркологией в результате проникновения в нее идей Н. Я. Марра.

Серьезную помощь в перестройке научной работы по тюркским языкам оказали республиканские конференции, совещания и сессии, созданные в 1950, 1951 и 1952 гг. в Ташкенте, Алма-Ате, Баку и в других городах. Самокритические выступления ведущих работников мест, специальные доклады, посвященные разбору ошибок в работах тюркологов Узбекистана, Казахстана, Туркмении, Киргизии, Азербайджана и других республик, в частности доклад А. К. Боровкова, прочитанный им в феврале 1951 г. на научной конференции по вопросам изучения языков народов Средней Азии и Казахстана в Ташкенте (опубликован в сборнике под аналогичным названием, а также в IV томе «Ученых записок» Института востоковедения АН СССР, Москва, 1952), доклады чл.-корр. АН СССР Н. К. Дмитриева, посвященные задачам тюркологии на новом этапе, далее постановление сектора тюркских языков Института языкознания АН СССР об ошибках казахских языковедов, опубликованное в № 2 журнала «Вопросы языкознания», статья А. Н. Кононова «Вопросы изучения турецкого языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию» в том же номере «Ученых записок» Института востоковедения АН СССР сыграли положительную роль в оздоровлении научной работы по тюркским языкам.

В чем же состояли конкретные теоретические ошибки, допущенные тюркологами в своих работах?

Эти ошибки в основном сводились, во-первых, к смешению логики и грамматики, которое выразилось в подмене или отождествлении категорий логики с категориями синтаксиса. На почве этого смешения под непосредственным воздействием книги И. И. Мещанинова «Члены предложения и части речи» в тюркологии выдвигались такие чуждые тюркским языкам грамматические категории, как активный и пассивный субъект, отождествлялись члены суждения с членами предложения.

В тесной связи с этим, во-вторых, допускалось смешение явлений семантики и грамматики в ущерб последней, что нашло свое выражение в неуместном и повсеместном выдвигании на передний план конкретной семасиологической стороны грамматических явлений, в смешении значения и функции грамматической категории, например падежа, времени глагола, словообразовательных форм; в ложной грамматикализации случайных, обусловленных конкретным контекстом значений различных грамматических форм и т. д.

К ошибкам тюркологов в прошлом относится, в-третьих, смешение лексических явлений с грамматическими, подмена грамматического анализа лексическим, что в свою очередь приводило к гипертрофии значения конкретной смысловой стороны грамматической категории.

К числу ошибок, в-четвертых, необходимо отнести также подмену морфологического анализа грамматических форм анализом синтаксическим. Это нашло свое выражение, в частности, в преувеличенном и недифференцированном внимании к синтаксическим (и добавим — семантическим) особенностям частей речи при недооценке их морфологических особен-

ностей (прилагательное, наречие, глагол), в забвении значения формы слова и перенесении центра тяжести в исследовании на функцию формы.

Влиянием школы Н. Я. Марра следует объяснить и известную архаизацию живых грамматических категорий тюркских языков при их трактовке, на что уже обратил внимание А. К. Боровков в опубликованных им статьях об ошибках языковедов Средней Азии и Казахстана.

Борьбу с последствиями «аракчеевского режима» в языкознании и с серьезными ошибками так называемого «нового учения» о языке еще нельзя считать законченной. Во-первых, пересмотру подверглись далеко не все работы тюркологов, в которых были допущены ошибки. Во-вторых, и это еще важнее, мы не гарантированы от рецидивов «марризма» в настоящем и будущем, как это показал анализ научной продукции казахских языковедов.

Поэтому борьба за чистоту марксизма в тюркологии, бдительность ко всевозможным рецидивам вульгарно-социологической и пансемасиологической теории Н. Я. Марра, какие бы формы она ни принимала, остается еще насущной задачей советских тюркологов.

Что же сделали за эти годы советские тюркологи для внедрения марксизма в языкознание, к чему призвал всех работников лингвистической науки И. В. Сталин?

Истекшие три года оказались периодом интенсивной и плодотворной по своим результатам исследовательской работы тюркологов в центре и на местах. В истории советской тюркологии трудно найти такое трехлетие, в которое был бы выполнен столь большой объем исследовательских работ, как за период 1950—1953 годов.

Не в пример отдельным языковедам, которые в новом этапе советского языкознания увидели чуть ли не прямой возврат к старому, советские тюркологи поняли сталинский этап как новую, высшую ступень языкознания, как коренной поворот в методах и проблемах лингвистической науки. Сказанное не следует понимать в том смысле, что тюркологи вступили в новый этап, отбросив все то положительное, что было накоплено советской тюркологией за предшествующие десятилетия и раньше. Отнюдь нет. Новый этап в нашей работе является не только естественным и органическим продолжением всего поступательного движения науки о тюркских языках, но новой ступенью этого движения, развертывающегося на базе марксистско-ленинской теории о языке. Благодаря этому мы глубже и правильнее, чем это было возможно раньше, можем понять свои основные задачи, можем отобрать из различных проблем тюркского языкознания наиболее важные, из них, именно те, марксистско-ленинское решение которых позволит, по выражению В. И. Ленина, вытащить всю цепь остальных проблем.

Первым и, быть может, наиболее важным результатом этого поворота явился небывалый в истории нашей науки рост теоретических запросов тюркологов, все усиливающийся интерес к теоретическим проблемам тюркского языкознания, в первую очередь к проблемам грамматического строя тюркских языков. Процесс этот с разной силой вовлек в свое течение основные кадры тюркологов, притом как представителей старшего и среднего поколения языковедов, так и молодую смену, что имеет, естественно, решающее значение для перспектив тюркологической лингвистики.

Об усилении интереса к теоретическим проблемам можно судить прежде всего по вопросам, обсуждавшимся на конференциях, совещаниях и дискуссиях в тюркоязычных республиках и областях, которые упоминались выше. На обсуждение лингвистической общественности выносились такие теоретические и вместе с тем практические проблемы, как проблема частей речи и критерии их определения (на конференции в Ташкенте в начале 1951 г.), литературный язык и его опорный диалект (в Узбекистане, Казахстане, Азербайджане), критика ошибок в работах туркмен-

ских языковедов (в Ашхабаде в июне 1952 г.), становление и развитие казахского литературного языка и вопросы казахской диалектологии (на дискуссии в Алма-Ате в феврале 1952 г.), внутренние законы развития языка (тюркских языков в Московском университете весной 1953 г., башкирского языка — на всесоюзном совещании, созванном Институтом языкознания АН СССР в Москве в мае 1953 г.), проблема придаточного предложения в тюркских языках, грамматические формы глагола (наклонение, вид), категория действующего и обладателя и ряд других вопросов, обсуждавшихся в тюркологической секции всесоюзного совещания по описательной грамматике, лексикографии и диалектологии в Москве в мае 1953 года.

О повороте внимания тюркологов к теоретическим вопросам свидетельствуют также вышедшие за это время и готовящиеся новые сборники. Мы имеем в виду опубликованные в 1952 г. сборники статей в Ташкенте, Алма-Ате и Баку, с которыми читатели, наверно, знакомы.

Вторым результатом коренного поворота в научной работе по тюркским языкам явилось выдвижение в программу тюркологических исследований новых для советской тюркологии проблем, относящихся к лингвистическим дисциплинам, до недавнего прошлого оставшимися в тени. Речь идет о проблемах описательной, сравнительной и сравнительно-исторической лексикологии.

Уместно вспомнить, что после классических исследований и трудов Л. Будагова, В. В. Радлова, П. М. Мелиоранского, Ф. Е. Корша, Э. К. Пекарского, Н. И. Ашмарина и других выдающихся представителей русского и мирового востоковедения лексикологическая работа в области тюркских языков резко пошла на убыль, сохранившись лишь в трудах отдельных исследователей, из числа которых прежде всего должны быть названы В. А. Гордлевский, С. Е. Малов и Н. К. Дмитриев, исследования которого относительно тюркизмов в русском языке, выполненные задолго до лингвистической дискуссии, к сожалению, до сих пор не опубликованы.

Инициатива возобновления лексикологических разысканий родилась одновременно в центре и на местах. Уже на первых конференциях и совещаниях в тюркоязычных республиках вопросы лексикологии оказались в центре внимания участников совещаний. В это же время были начаты монографии, посвященные вопросам основного словарного фонда и словарного состава тюркских языков, равно как большие исследования по сравнительной и сравнительно-исторической лексикологии тюркских языков вообще. В настоящее время некоторые из этих работ закончены или будут завершены в ближайшие годы.

Третьим результатом перестройки тюркологической работы является начавшийся уже поворот тюркологов к вопросам истории тюркских языков, их сравнительного и сравнительно-исторического изучения. Пока эта область работы развивается непроизвольно медленно, и нам приходится еще пожинать плоды пагубных последствий пренебрежительного отношения к изучению действительной истории языков, столь характерной для ближайших учеников и последователей Н. Я. Марра.

Не составляет тайны, что за годы засилья «нового учения» о языке у нас в стране выросло целое поколение тюркологов, не знакомых со сравнительно-историческим методом, нередко относившихся к нему с подозрительностью и недоверием, в отдельных случаях склонных искать решения вопросов истории тюркских языков в беспочвенных построениях в духе «нового учения» о языке. Исследования исторического и сравнительно-исторического порядка сохранялись в виде отдельных островков в Москве и Ленинграде (исследования С. Е. Малова, А. К. Боровкова, лекционные курсы Н. К. Дмитриева и немного другое).

Перелом в области исторического и сравнительно-исторического языкознания в настоящее время несомненен. С прошлого года, а кое-где и раньше, возобновлены или вновь введены в учебные планы государствен-

ных университетов тюркоязычных республик на факультетах или отделениях тюркских языков специальные курсы по истории языка, а в некоторых республиках и курсы по проблемам сравнительной тюркологии.

В настоящее время готовятся специальные исследования по исторической лексике узбекского языка, по исторической лексике и грамматике азербайджанского языка и др.

Объективные трудности в изучении истории младописьменных языков, составляющих подавляющую массу языков тюркской группы, очевидны. Среди тюркских языков имеется немного таких, которые располагали бы памятниками письменности с XI—XIV вв., подобно узбекскому и нескольким другим. При таких условиях тем большее значение приобретает для младописьменных языков максимальное использование сравнительно-исторического метода в тюркологии.

Каков же итог работы советских тюркологов за три года, истекшие со времени выступления И. В. Сталина по вопросам языкознания?

Деятельность специалистов по тюркским языкам за указанное время охватила все отрасли языкознания и выразилась в большой печатной продукции. Число опубликованных работ (больших монографий, отдельных исследований, статей, диссертаций и т. д.) достигает внушительной цифры в 300 и более названий. По отдельным отраслям тюркского языкознания можно выделить следующие работы:

В области изучения грамматического строя тюркских языков должны быть отмечены прежде всего грамматики по различным тюркским языкам, в первую очередь предназначенные в качестве пособий для высших учебных заведений. За истекшее время вышла грамматика азербайджанского языка под редакцией М. Ширалиева, Дж. Эфендиева и Р. Рустамова (Баку, 1951). Начатая значительно раньше лингвистической дискуссии 1950 г. грамматика после выступления И. В. Сталина была переработана, вынесена на обсуждение лингвистической общественности Баку, после чего сдана в печать. Несмотря на известные недостатки и упущения в трактовке отдельных вопросов грамматики и фонетики, этот новый труд азербайджанских тюркологов представляет собой шаг вперед в описании фонетического и морфологического строя азербайджанского языка и, как первый опыт научной грамматики, должен быть оценен положительно.

В прошлом году вышла в свет фонетика и морфология каракалпакского языка, подготовленная Н. А. Баскаковым. Работа составляет первую часть второго тома большого труда, посвященного автором каракалпакскому языку. Первый том вышел под названием «Каракалпакский язык. I. Материалы по диалектологии (тексты и словарь)» (Москва, 1951). Главную часть исследования составляет докторская диссертация, посвященная частям речи в каракалпакском языке, которую автор защитил в 1950 г. В своей книге Н. А. Баскаков делает попытку чисто семасиологической и синтаксической интерпретации частей речи и форм их образования, что является спорным, предлагается впервые в тюркологии и требует дальнейшей проверки на фактах других тюркских языков.

В 1953 г. вышла книга Н. Т. Сауранбаева под названием «Казахский язык. Лексика, фонетика, морфология и синтаксис» (Алма-Ата, Казучпедгиз — на казахском языке), предназначенная для педучилищ. В учебнике охвачены важнейшие явления лексики, грамматики и фонетики казахского языка, освещенные с правильных теоретических позиций. Ясно разграничены явления морфологии и синтаксиса, лексики и грамматики.

К этой же серии примыкает «Грамматика киргизского языка, ч. 2. Синтаксис» (Фрунзе, 1951), составленная Ж. Абдыкуловым для педучилищ.

В настоящее время уже закончена и сдана в набор научная грамматика казахского языка, составленная коллективом авторов (Институт языка и литературы АН Каз. ССР). Закончена также вторая часть «Грамма-

тики азербайджанского языка» — «Синтаксис». В Узбекистане закончены разделы грамматики узбекского языка (фонетика и морфология) и частично изданы в виде отдельных выпусков.

За последние годы были пересмотрены и заново составлены учебники по языку для средних школ. Вышли учебники А. Исакова и К. Аханова для 5—6-го классов казахских школ («Фонетика и морфология», Алма-Ата, 1952), А. Шамиевой и И. Ахметова по уйгурскому языку для 5—6-го классов («Фонетика и морфология», Алма-Ата, 1952) и по другим языкам.

Среди монографических работ по вопросам морфологии и синтаксиса, выпшедших за последние годы, необходимо назвать «Исследования по синтаксису якутского языка, т. I. Простое предложение» (Москва — Ленинград, 1950) Е. И. Убрятовой. Работа автора защищалась в качестве докторской диссертации в начале этого года. Исследование Е. И. Убрятовой является первым описанием строя простого предложения якутского языка, факты которого имеют особо важное значение в сравнительных или сравнительно-исторических разысканиях тюркологического порядка.

Заслуживает в общем положительной оценки монография А. И. Исакова «Наречие в современном казахском языке» (Алма-Ата, 1950), хотя автору не везде удалось высвободить свою книгу от влияния теории Н. Я. Марра (работа т. Исакова писалась до лингвистической дискуссии).

Особо следует отметить исследования молодых тюркологов, представленные в качестве кандидатских диссертаций и защищенные ими в Москве, Ленинграде, Алма-Ате, Баку, Ташкенте и других центрах страны. Среди них необходимо назвать ценные работы З. Алиевой — «Глагольные виды в азербайджанском языке», М., 1953; Н. З. Гаджиевой — «Типы придаточных предложений в современном азербайджанском языке», М., 1952; Э. А. Груниной — «Сложно-подчиненное предложение в современном узбекском языке», М., 1952; А. А. Кокляновой — «Способы синтаксической связи слов в современном узбекском литературном языке», М., 1953; П. И. Кузнецова — «Условный период турецкого языка», М., 1950; Б. О. Орузбаевой — «Формы прошедшего времени в киргизском языке», Фрунзе, 1952 и некоторые другие.

Отличительной чертой названных работ является горячее стремление их авторов к решению грамматических вопросов с позиций сталинского учения о языке, высокий теоретический уровень и теоретическая направленность исследований, решение грамматических вопросов грамматическими же средствами, без апелляции к семасиологии или лексике.

Помимо перечисленных выше опубликованных или защищенных в качестве диссертаций работ по вопросам грамматического строя тюркских языков, в настоящее время закончены или близки к завершению специальные исследования по башкирскому и азербайджанскому глаголу, закончено обширное исследование, посвященное грамматическим формам словообразования в узбекском языке и т. д.

Наряду с указанными выше работами по вопросам грамматического строя тюркских языков за прошедшие три года было опубликовано большое количество статей по различным вопросам грамматики видными специалистами по тюркским языкам: Н. К. Дмитриевым, А. К. Боровковым, А. Н. Кононовым, Н. А. Баскаковым, И. А. Батмановым, Н. Т. Сауранбаевым, М. Б. Балакаевым, А. И. Исаковым и другими.

В области лексикологии и лексикографии необходимо отметить следующие опубликованные работы:

Первые три выпуска пятитомного русско-узбекского словаря (1951, 1953), составленного под редакцией А. У. Усманова и С. Ф. Акабировой и главной редакцией А. К. Боровкова (Институт языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР). Помимо большой полноты, выгодно отличающей новый словарь от аналогичных изданий прошлых лет, он отразил в себе важнейшие изменения, которые произошли в словарном составе узбекского языка в новейшее время, в частности рост удельного веса ин-

тернациональной и русской лексики в обозначении общественно-политических и научных понятий, а в связи с этим переход в пассивный запас языка ряда устаревших или не укоренившихся обозначений, заимствованных из арабского языка.

Крупным событием в культурной жизни чувашского народа явилось появление в свет большого русско-чувашского словаря (Москва, 1951) под редакцией Н. К. Дмитриева. К словарю приложен краткий грамматический очерк, составленный Н. К. Дмитриевым и С. П. Горским. Словарь вобрал в себя в рамках, предоставленных словником, лексические богатства чувашского языка, его синонимичку и фразеологию.

Наряду с этими обширными словарями можно отметить более сжатые издания, рассчитанные на определенный круг читателей, прежде всего школу. Из числа таких словарей могут быть названы: «Русско-азербайджанский словарь» (Баку, 1951), составленный А. Г. Оруджевм и Г. Бакихановым (Институт литературы и языка АН АзССР), «Азербайджанско-русский словарь» (Баку, 1951, тот же институт), «Краткий русско-алтайский словарь основных терминов и слов» (Горно-Алтайск, 1952), «Русско-татарский словарь» для начальной и семилетней школы, второе издание, составленный Р. С. Газизовым и М. Г. Гимадиевым (Казань, 1951), и другие. Особо должен быть отмечен выход в свет нового хакасско-русского словаря, составленного Н. А. Баскаковым и А. И. Инкижековой-Грекул. Как и в прошлые годы, продолжается выпуск терминологических словарей.

В настоящее время подготавливается или сдается в печать серия больших словарей, среди которых можно назвать: большой русско-азербайджанский словарь, толковый словарь азербайджанского языка (готовятся в Институте литературы и языка АН АзССР); вышел в свет III том и готовится IV том русско-узбекского словаря; передан в Издательство иностранных и национальных словарей в Москве большой русско-казахский словарь объемом в 160 печатных листов (подготовлен Институтом языка и литературы АН КазССР); Институтом языка и литературы АН Туркм. ССР готовится большой русско-туркменский словарь.

Мы можем констатировать ободряющее начало работы в новой для советской тюркологии области, а именно лексикологии. За истекшее трехлетие были проведены исследования, относящиеся к словарному составу или словарному фонду конкретных тюркских языков. Среди диссертационных тем проблемы лексикологического порядка занимают все больше места. Из выполненных уже исследований необходимо отметить кандидатскую диссертацию молодого тюрколога С. А. Бурнашевой — «Изменение словарного состава татарского языка в советскую эпоху» (Москва, 1951); Ш. У. Рахматуллаева — «Основные грамматические особенности образных глагольных фразеологических единиц современного узбекского языка» (Москва, 1952); З. Валиуллиной — «Философская терминология татарского языка» (Москва, 1953); В. Ф. Вещиловой — «Глаголы движения в турецком языке» (Москва, 1951) и другие. Каждый из названных молодых исследователей идет своим путем в этой мало изведанной и сложной области, но всех их объединяет общее стремление понять изучаемые ими явления в свете положений марксистской лингвистики, найти связь между изучаемыми явлениями и другими сторонами языка, стремление связать историю словаря с историей народа.

Наш общий обзор не может быть полным без упоминания о готовых, но еще не опубликованных исследованиях в области лексикологии. Заключены специальные исследования, посвященные корневым элементам основного словарного фонда киргизского языка, составу глаголов якутского языка, русским заимствованиям в татарском языке и другие.

Помимо монографических работ на лексикологические темы в последние годы появился ряд статей, в которых затрагиваются различные вопросы лексикологии: серия статей Н. К. Дмитриева о лексических груп-

пах татарского словаря, статьи Н. Т. Сауранбаева о словарном составе казахского языка, А. Г. Оруджева и И. Гаджиева о словарном составе азербайджанского языка и т. д., статьи, посвященные терминологическим вопросам узбекского, азербайджанского и других языков.

Диалектологические исследования среди тюркологических работ последних лет занимают большое место. Попрежнему много внимания уделяют диалектологии азербайджанские языковеды, в частности ведущие диалектологи Азербайджана М. Ширалиев, Р. Рустамов и др. Появились новые исследования по недостаточно изученным диалектам азербайджанского языка. Так, можно назвать кандидатские диссертации; А. А. Гуссейнова — «Говоры Варташенского района» (Москва, 1953); А. Г. Велиева — «Говоры западных районов Апшеронского полуострова» (Москва, 1952); П. Д. Агаева — «Карабахский диалект азербайджанского языка (говоры Агдамского района)» (Москва, 1951) и др. Новым в перечисленных работах является стремление исследователей к максимальному охвату всех сторон изучаемых диалектов, в частности лексических и синтаксических особенностей диалектов. Новыми являются также попытки отдельных авторов выяснить исторические связи обследованных диалектов с литературным азербайджанским языком.

Много нового и ценного внесут в наши знания о тюркских языках подготовленные уже к печати многолетние исследования крупнейшего советского тюрколога члена-корр. АН СССР М. Е. Малова по языку желтыхуйгуров и хамийскому наречию новоуйгурского языка.

Из диалектологических работ по другим языкам внимание тюркологов должно будет привлечь исследование опытного диалектолога, в прошлом специалиста по германским диалектам, А. П. Дульзона о языке чулымских татар («Чулымские татары и их язык», «Ученые записки Томского госуниверситета», Томск, 1952, т. 9), а также диалектологическая работа молодого и способного тюрколога Д. Тумашевой на тему «Татарские диалекты Западной Сибири (Тюмень)» (Москва, 1952). Следует также назвать исследования И. А. Керимова — «Кайтакский диалект кумыкского языка» (Москва, 1953); К. О. Бакеева — «Ноокатский говор [киргизского языка] Ошской области» (Алма-Ата, 1952); Л. Т. Махмутовой «Особенности касимовского говора татарского языка» (Ленинград, 1952) и другие.

Полезным вкладом в казахскую диалектологию явилась опубликованная работа Ж. Доскараева и Г. Мусабаева — «Местные особенности казахского языка, ч. I» (Алма-Ата, 1951).

За последние годы были завершены крупные и многолетние исследования по отдельным диалектам казанско-татарского и узбекского языков. Автор одного из них, В. В. Решетов, представил свой труд «Кураминские говоры Ташкентской области (фонетическая и морфологическая система)» в качестве докторской диссертации, которую он успешно защитил в 1952 г. Новым и ценным в обширном исследовании В. В. Решетова является: 1) опыт объяснения так называемого узбекского «оканья» фонетической эволюцией самого узбекского языка, а не иранским вкладом, как это думают сторонники теории «иранизации», или иранского «субстрата»; 2) попытка определить место кураминских говоров в процессе сложения узбекского национального языка.

Помимо названных нами монографических работ, за время с 1950 по 1953 г. появился ряд статей, посвященных задачам диалектологической работы, ее спорным проблемам, отношению литературного языка к диалекту и т. д.

Исследования в области фонетики тюркских языков после 1950 г. вступили в новую фазу. Оборвавшиеся со смертью В. А. Богородицкого и отходом от работы его учеников экспериментально-фонетические исследования возобновились после лингвистической дискуссии. За последние годы экспериментально обследованы глас-

ные фонемы азербайджанского языка Ф. Кязимовым («Система гласных азербайджанского языка», «Известия Академии наук СССР, Отделение и литературы и языка», 1952, вып. 4), чувашского языка Е. Н. Степановой («Звуковой состав чувашского языка в сравнении с немецким», диссертация, Москва, 1952), якутского языка П. П. Барашковым («Звуковой состав якутского языка, Якутск, 1953), татарского языка У. Ш. Байчурой. Опубликовано в центре и на местах значительное число статей по вопросам фонетики различных тюркских языков, в том числе по вопросам орфоэпии.

Оживилась и расширилась научно-исследовательская работа в области исторического и сравнительно-исторического языкознания: За прошедшие годы появились публикации крупнейшего знатока древнетюркских языков С. Е. Малова, с нетерпением ожидавшиеся советскими тюркологами. Опубликовано «Памятники древнетюркской письменности, тексты и исследования» (Москва, 1951), «Енисейская письменность тюрков, тексты и переводы» (Москва — Ленинград, 1952). На очереди подготовка к изданию остальных памятников енисейско-орхонской письменности.

С выходом в свет трудов С. Е. Малова подводится итог многолетним исследованиям в области древнетюркских языков, выполненным как самим ученым, так и его предшественниками — В. В. Радловым, П. М. Мелиоранским, В. Томсенем и др. В названных книгах автором учтено решительно все, что прямо или косвенно относится к чтению и толкованию древнейших памятников тюркской письменности. Переводы некоторых памятников публикуются впервые.

В исследование древнейших памятников начинают включаться и молодые кадры языковедов. А. М. Щербак посвятил свою диссертацию изучению одного из древнейших памятников узбекского языка — «Сказанию об Огузе» (Ленинград, 1951). Темой диссертации Э. Р. Тенишева явился «Грамматический очерк древнеуйгурского языка по сочинению «Золотой блеск» (Ленинград, 1953), вопросы древнеуйгурского языка освещены в диссертации А. А. Валитовой «Юсуф Баласагунский и его «Кутадгу-билик», (Москва, 1951).

Среди крупных работ, связанных с историей языка, должно быть также названо обширное исследование В. Г. Егорова — «Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении» (Чебоксары, 1951). Сюда же примыкает и работа С. П. Горского — «Очерки по истории чувашского литературного языка (дооктябрьский период)».

Со статьями и докладами, посвященными вопросам истории узбекского, азербайджанского, казахского и башкирского языков, выступали Н. А. Баскаков, А. К. Боровков, М. Ширалиев, Г. Мусабаев, Дж. Г. Киекбаев и др.

Коллективом сотрудников сектора тюркских языков Института языкознания АН СССР подготовлен к печати большой труд, посвященный вопросам сравнительной грамматики тюркских языков.

В работе лингвистических учреждений тюркоязычных республик и областей попрежнему большое место занимали вопросы правописания и алфавита. За истекшее трехлетие подверглись частичному изменению и уточнились правописания азербайджанского, узбекского, каракалпакского, башкирского, кумыкского, туркменского, якутского, тувинского и других языков. Вопросы правописания были предметами обсуждения местной печати, конференций, совещаний и сессий. Вопросами правописания занимались и научные учреждения центра. В печатных органах научных учреждений союзных и автономных тюркоязычных республик неоднократно появлялись статьи языковедов, посвященные спорным или нерешенным вопросам национального правописания (в печатных органах АН КазССР, АН ТуркмССР и т. д.). Составлены новые орфографические словари казахского, башкирского и других языков.

Заметным образом расширилась работа по созданию сопоставительных пособий по русскому и тюркским языкам. Потребность в подобных методических пособиях уже давно ощущалась в начальной и средней школе. Однако работа в данной области по-настоящему развернулась лишь за последние годы. Помимо целого ряда статей о методике преподавания отдельных грамматических категорий русского языка в тюркоязычной школе уже вышли специальные книги, посвященные сопоставлению грамматических особенностей русского и тюркского языков, как, например, книга Р. С. Газизова — «Опыт сравнительного освещения грамматических особенностей русского и татарского языков» (Казань, 1952); И. А. Киссена — «Краткий очерк фонетики русского языка в сопоставлении с фонетикой узбекского языка» (Ташкент, 1952) и др. Опыт работы в данной области показал, что метод русско-тюркских сопоставлений таит с себе вполне реальные возможности для выявления оттенков в значениях отдельных грамматических форм, обычно ускользающих при прямом наблюдении над языком.

Внимание языковедов на местах, как и раньше, привлекали вопросы художественного и научно-публицистического перевода. Проблема перевода послужила даже темой диссертации Д. А. Азимова — «Основные принципы перевода с русского языка на азербайджанский язык» (Баку, 1951).

В тюркологических работах последних лет начинает привлекать внимание исследователей тема языка писателя, чему посвящен ряд диссертаций.

Таков неполный итог научных работ, выполненных советскими тюркологами за последние три года.

Было бы неверно преуменьшать значение проделанной работы для еще большего подъема советской тюркологии. Однако еще большей ошибкой было бы не видеть заметного отставания научно-исследовательской работы в таких важнейших областях, как история тюркских языков, сравнительное и сравнительно-историческое изучение грамматики и лексики тюркских языков, не видеть нехватки квалифицированных специалистов в области историко-лингвистических дисциплин и лексикологии. Советские тюркологи не могут удовлетвориться еще результатами, достигнутыми ими в решении важнейшей задачи внедрения марксизма в тюркское языкознание, равно как не могут считать достаточной выполненную ими работу перед лицом все растущих запросов и требований нашей социалистической действительности.

Советским языковедам, в числе их и тюркологам, предоставлены все возможности для дальнейшей успешной творческой работы, для достижения ведущей роли во всем мировом языкознании.